

радед в Тебризе знал его. Говорил с ним. Вот как мы с тобой.

Апрель - 2002 - февраль - с. 22 - 25.

Персия, дервиши. С рис. XIX в.

Сергей Смородкин

Декабрьским вечером в Бухаре я был в гостях у местного ювелира усто Джавахира. Мастер многое видел, кое о чём рассказывал. В тот вечер вспоминал гаремных красавиц последнего эмира, бежавшего от Красной Армии в Афганистан с любимой женой и вьюком золота.

— Брошенный гарем был и вопил так, — вспоминал Джавахир, — будто женщины выпили напиток безумия.

Неожиданно беседа потекла по другому руслу.

МАСТЕР ПОКАЗАЛ МНЕ РАБОТУ СВОЕГО младшего сына, отмеченную премией на конкурсе ювелиров в Ташкенте. К украшенному бирюзой медальону, на продолговатых бусинах, набранных из серебряной зерни, подвешены миниатюрные инструменты для восточного макияжа: ложечка для сурьмы, пинцет, щипчики, ещё какие-то атрибуты. В центре медальона — рубин редкостного малинового оттенка. Повернул камень к свету — и из глубины, из кровавой тьмы выплыла восточная вязь.

— Всевышнему красота угодна, — перевёл Джавахир. — Камень старинный. Персидский. Называется "голубиная кровь". — Помолчал. — Наш род из Тебриза. Мы ирони...

Поясню: *ирони* — так в Бухаре называют выходцев из Ирана. Одни переселились по своей воле. Другие попали в плен во время войн или аламанов — разбойничьих набегов на иранские провинции. Особенно ценились ремесленники: ткачи, кузнецы, гончары, ювелиры.

Разглядывая рубин, спросил усто, слышал ли он историю, связанную с бриллиантом "Шах"? Алмаз этот — цена крови Александра Грибоедова — был подарен Николаю I после того, как российское посольство в Тегеране вырезали фанатики.

— Грибоед... — сказал усто Джавахир. — Мой прадед в Тебризе знал его. Говорил с ним. Вот как мы с тобой.

"От изумления остаётся вложить свои пальцы в рот", — так бухарские насмешники передают крайнюю степень удивления. Нечто подобное случилось и со мной.

— Перед отъездом к шаху Грибоед пришёл к моему прадеду, — продолжал Джавахир. — И заказал серьги и ожерелье. Для жены. Камни сам выбрал. Индийские изумруды. Заплатил вперёд. Зиён-зиён*... Саади говорил: умный не тот, кто хватается за нож. Умный тот, кто, увидев нож, отводит голову в сторону... Грибоеда не убили.

* Несчастье, беда; дурной знак.

Нет! Осенью в Исфахане прадед встретил его. Ехал на богато убранном коне вместе с индийскими купцами. Гебры! ** Грибоедову помогли гебры. Так говорили...

СОБЕСЕДНИК ЗАМОЛЧАЛ, УХОДЯ В СЕБЯ. Всё-таки он был очень стар. Мне удалось узнать немного.

За драгоценностями никто не приходил. Через год или позже тебризский мастер, собравшись по делам в Тифлис, захватил серьги и ожерелье с собой. Он пришёл к княжне Нине Чавчавадзе и передал прощальный подарок мужа.

Я ВОЗВРАЩАЛСЯ В ГОСТИНИЦУ вдоль глиняных стен. В городе было сыро и пусто. Даже собаки не лаяли. А на минарете с голубым куполом, где обычно, поджав ногу, стоял аист, птицы не было.

Навстречу, на пустыре, мне попался караван. Погонщики сидели между верблюдскими горбами, натянув на головы бараньи тулупы. Декабрьским днём 1828 года такой же караван встретился полномочному министру Александру Грибоедову, въезжавшему

** Так мусульмане Ирана называют зороастрийцев, последователей пророка и основателя древнейшей религии Заратустра (Зороастра). Некоторые важнейшие доктрины зороастризма заимствованы иудаизмом, христианством, исламом. В современном Иране около 30 тыс. зороастрийцев. В Индии более 200 тыс. парсов — потомков иранских зороастрийцев.

ПОСЛЕ

Был ли убит Грибоедов?

на вороном карабахском жеребце в Тегеран. Над столицей Повелителя Всей Земли, над её минаретами, мечетями, плоскими крышами нависало низкое зимнее небо.

Как и сто, и двести лет назад, на мохнатые верблюжьи бока кружась падали снежинки. Я шёл, размышляя об истории, услышанной от усто Джавахира. Она казалась невероятной.

"Гебры помогли"... Но как последователи Зороастра, фактически загнанные мусульманами в гетто, могли помочь чужеземцу? В то январское утро 1829 года русскую миссию у южных тегеранских ворот окружила разъярённая толпа. Её подогревала ненависть к "неверным" и слух, что в резиденцию доставлена посольская казна — около десяти тысяч золотых червонцев.

Россия вела очередную войну с Турцией. На войну нужны деньги. Они

в Персии, полагали в Петербурге. Десять куруров*** туманов — двадцать миллионов рублей серебром — дань, наложенная Россией на Персию, проигравшую войну. Куруры идут медленно, считают в Петербурге. Слишком медленно. Грибоедов докладывал: с частью контрибуции лучше повременить. Страна разорена. Заложен даже золотой шахский трон. В министерстве иностранных и престранных дел, как называл своё ведомство Грибоедов, резоны не принимают: персы проиграли войну — пусть платят. Никакой отсрочки!

А ЗА ТОЛСТЫМИ СТЕНАМИ МЕЧЕТЕЙ, в глубине базаров не первый месяц слышалось: "Русские завладели бородой Шаха. Везир-и-мухтар сидит в са-

*** Персидское название полумиллиона.